

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-463-478

Научная статья / Research article

Сила регионалистских партий Соединенного Королевства: концептуализация и измерение

М.В. Грабевник

Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения
Российской академии наук, Пермь, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена концептуализации понятия партийной силы (party strength) и измерению двух ее количественных элементов (электорального и институционального) на примере четырех регионалистских партий Соединенного Королевства: Шотландской национальной партии, Демократической юнионистской партии, партии «Шинн Фейн» и партии «Плайд Камри». На основании анализа основных теоретических подходов к интерпретации партийной силы предложена методика ее измерения. Представленная методика является вкладом в проблематику измерения и оценки регионализма посредством силы регионалистских партий в разных политико-институциональных условиях. Сравнение уровней электоральной и институциональной силы регионалистских партий позволяет проследить некоторые закономерности: отмечаются тенденции роста электоральной силы при стабилизации институциональной в рамках исследуемого периода 2010-х гг., а разрыв в уровнях институциональной силы партий не отражает разницу в уровне электоральной силы. Вместе с тем в статье отмечаются вызовы, стоящие перед проблематикой оценки силы регионалистских партий: детальная проработка концептуального аппарата качественных характеристик партийной силы; анализ коммуникативного и организационного элементов силы партий.

Ключевые слова: партийная сила, регионализм, регионалистские партии, Соединенное Королевство, электоральная сила, институциональная сила

Для цитирования: Грабевник М.В. Сила регионалистских партий Соединенного Королевства: концептуализация и измерение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 3. С. 463–478. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-463-478

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00053 «Субнациональный регионализм и динамика многоуровневой политики (российские и европейские практики)») в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН.

© Грабевник М.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Party Strength of Regionalist Parties of United Kingdom: Conceptualisation and Measuring

M.V. Grabevnik

Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Perm, Russian Federation

Abstract. The article conceptualizes the concept of party strength and the measurement of its two quantitative elements (electoral and institutional) by example of four United Kingdom regionalist parties: Scottish National Party, Democratic Unionist Party, Sinn Fein and Plaid Cymru. Based on the analysis of the main theoretical approaches to party strength, the article proposes a method for its measurement, which can be used to measure and evaluate regionalism through the strength of regionalist parties in different political and institutional contexts. Comparing the levels of electoral and institutional party strength allows to highlight several tendencies: growth in electoral strength of UK regionalist parties during 2010s is noted, with stabilization of the institutional party strength; and the gap in the levels of institutional strength of the regionalist parties does not reflect the difference in the level of electoral strength. At the same time, the article mentions the challenges to assessing the strength of regionalist parties, namely, the need for detailed conceptualization of the qualitative characteristics of the party strength and the lack of analysis of the communicative and organizational elements of party strength.

Keywords: party strength, regionalism, regionalist parties, United Kingdom, electoral party strength, institutional party strength

For citation: Grabevnik, M.V. (2021). Party strength of regionalist parties of United Kingdom: Conceptualisation and measuring. *RUDN Journal of Political Science*, 23(3), 463–478. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-463-478

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Science Foundation under Grant № 19-18-00053 “Subnational Regionalism and Dynamics of Multi-Level Politics (Russian and European Practices)”, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Введение

Одной из характерных черт политической партии является поиск электоральной поддержки, позволяющей претендовать на политическое влияние и парламентские места. В таком ключе закономерно рассматривать поиск электоральной поддержки не как цель партии, а как необходимое организационное условие для достижения политического влияния. И электоральная поддержка, и парламентская репрезентация, являются, как правило, проекцией либо идеологических коллективных мотивов (реализации политического курса), либо выборочных материальных или статусных мотивов (поиск портфеля/мандата). Иными словами, с одной стороны, политические партии стремятся к формированию политического курса, институтов и системы общественно-политических отношений в целом, основываясь на идеологии и предпочтениях избирателей. С другой стороны, политические партии могут выступать как «машины распределения» частных выгод для своих членов, таких как персональное влияние, социальный статус, материальные и финансовые

выгоды. Безусловно, в реальной политической практике цели тесно связаны друг с другом, поскольку обретение частных выгод непосредственно зависит от электоральной поддержки, завоевание которой основано на идеологических и коллективных целях и интересах политического курса [Katz, Mair, 1995]. Тем не менее, вне зависимости от конкретных партийных целей и стратегий, их реализация одинаково зависит от того, насколько партия не только электорально успешна, но и электорально устойчива.

Регионалистские партии в ходе получения регионами институциональных предпочтений (создание региональных парламентов и расширение региональных полномочий) сталкиваются с трудным вызовом собственного дальнейшего развития, сопряженного с задачей достижения электорального успеха и его воспроизводством (т.е. достижением электоральной устойчивости). Представляется вполне закономерным в современных условиях, что регионалистским партиям необходимо сохранять баланс между преданностью регионализму как политическому курсу и лояльностью генеральной линии правящей коалиции, чтобы сохранять (и усиливать) конкурентоспособность по отношению к крупным национальным партийным акторам. Автор статьи предполагает, что сегодня успешные регионалистские партии придерживаются модели, которая предполагает сохранение регионалистского наполнения (в партийной повестке), с одной стороны, и воспроизводство электоральной и институциональной силы партии – с другой.

Настоящая статья посвящена рассмотрению концептов электоральной и институциональной силы и попытке применения измерительных методов к регионалистским партиям Соединенного Королевства. Выбор кейсов регионалистских партий Соединенного Королевства обусловлен различными деволюционными моделями британских регионов (countries) Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии, а также различной идеологической направленностью регионалистских партий (регионализм, национализм, юнионизм). В анализ включены следующие регионалистские партии Соединенного Королевства: Шотландская национальная партия, партия «Плайд Камри», партия «Шинн Фейн», Демократическая юнионистская партия. Рассматриваемые в настоящей статье данные регионального уровня охватывают хронологический интервал 2010-х гг.

Регионалистские партии понимаются в настоящей статье в русле интерпретации П.В. Панова [Панов 2020]. Во-первых, регионалистская партия является региональной, то есть, в отличие от общенациональных партий (state-wide parties), ее активность, в том числе электоральная, сконцентрирована в одном (или нескольких) регионах. Во-вторых, регионалистская партия выдвигает регионалистские требования [De Winter, Tursan 1998; Massetti, Schakel 2016; Rosema 2006; Taagepera 2007].

Электоральная и институциональная сила партий: концептуальные подходы

Сила политической партии (party strength) является одним из основных показателей развития и устойчивости партий, как традиционных, так и

регионалистских. Ниже представлена дискуссия относительно концепта силы политической партии (*party strength*) и выстраивается интегрированная методология определения и измерения силы политической партии. Партии рассматриваются как акторы, преследующие два основных типа целей (идеологических/коллективных и прагматических/частных), для достижения которых им требуется политические властные ресурсы. В конечном итоге обладание такими ресурсами и их реализация ради политического влияния определяет феномен силы политической партии. Для достижения собственных целей регионалистские партии должны заботиться о приобретении и сохранении политических властных ресурсов, которые понимаются как активы, необходимые для их функционирования и повышения политического влияния [Rye 2014]. Контроль над политическими ресурсами, которые позволяют партиям оказывать политическое влияние и стремиться к достижению целей (как идеологических, так и прагматических), в дальнейшем и будет именоваться политической силой партии.

Очевидно, существует широкий спектр таких политических ресурсов. Во-первых, это электоральные ресурсы, которые в современных демократических системах европейских государств являются главным выражением общественной поддержки и легитимности партии. Во-вторых, институциональные ресурсы, которые позволяют использовать политические и общественные институты как площадки и инструменты выражения политического и общественного влияния партий. В-третьих, коммуникационные ресурсы, которые в рамках постиндустриального общества помогают формировать и трансформировать общественную и политическую повестку посредством как официальных, так и неофициальных каналов политической коммуникации. При этом важно отметить, что коммуникационные ресурсы могут быть реализованы как внутри политической (и/или партийной) системы, где выстраиваются стратегии взаимодействия с действующей властью и другими партиями, так и за рамками политической системы, т.е. во взаимодействии с общественностью и СМИ. И наконец, в-четвертых, это организационные ресурсы, включающие организацию партии, членов и активистов партии, сотрудничество в блоках с другими партиями, а также финансовые ресурсы.

Приобретение и удержание политических властных ресурсов не означает напрямую увеличение политического влияния. Способность партии трансформировать абстрактную и потенциальную власть имеющихся у нее ресурсов в реальное политическое влияние посредством принятия решений, выстраивания тактик и стратегий взаимодействий с политическими и неполитическими акторами имеет решающее значение. Поэтому измерение политической силы партий должно происходить не только на уровне контроля политических ресурсов, но также на уровне полученных результатов. Политическая сила партии – успешное приобретение, удержание и реализация политических властных ресурсов. Данная концептуальная рамка позволяет операционализировать феномен силы политической партии (*party strength*) посредством квантификации переменных властных ресурсов.

Хотя большой пласт теоретической литературы в отношении политических партий затрагивает тему силы политической партии (*party strength*), существует ряд проблем в операционализации такого феномена. Во-первых, не существует целостной и систематизированной методологии измерения силы политической партии, существуют концепты измерения отдельных параметров партий. Большую работу в данном направлении провел П. Чиочетти, который предпринял попытку систематизировать различные методологии измерения параметров политических партий [Chiocchetti 2016]. Во-вторых, нужно отметить, что все отдельные индикаторы не отражают общую силу политической партии, а лишь являются показателем отдельных ее параметров. Данная проблема была отмечена в работах П. Игнаци, посвященных исследованию феномена «организационной силы» партии, которая, по существу, является комбинированным показателем человеческих, финансовых и коммуникационных ресурсов партии [Ignazi 1996]. В-третьих, существуют показатели силы партии, которые не могут быть определены количественно: коммуникативные переменные; переменные связи партий с группами интересов и гражданским обществом; влияние партии на административный и бюрократический аппарат государства и т.п. Разработка адекватных показателей подобных параметров партий затруднена из-за их качественного характера и недостатка полных данных.

Соответственно, ресурсы (переменные), характеризующие силу политической партии, могут быть разделены на количественно измеримые и качественные. Количественные показатели силы политической партии следующие: электоральные ресурсы (количество голосов), институциональные ресурсы (количество мест в парламенте), организационные ресурсы (количество финансов и количество участников). Качественные показатели силы политической партии – коммуникативные ресурсы, включающие выстраивание стратегий политической партии во взаимодействии с правящими и оппозиционными партиями, институтами гражданского общества и формирование общественной и политической повестки. Выбор данных показателей силы политической партии (*party strength*) охватывает большинство переменных, упоминаемых в теоретической литературе относительно политических партий, обеспечивая при этом сбалансированную систему показателей электоральной, институциональной, организационной и коммуникативной областей. В настоящей статье при анализе используется два количественных измерения силы партии: электоральное и институциональное.

Электоральная сила политической партии характеризует успех партии в завоевании голосов избирателей, полученных на свободных и справедливых общенациональных парламентских выборах. Предлагается измерять электоральную силу партий следующими показателями: 1) количество голосов, отданных за партию на выборах; 2) доля голосов к общему количеству голосовавших; 3) отношение количества голосов к общему количеству имеющих право голосовать граждан. Вместе с тем, очевидно, электоральная сила партии может быть измерена на разных уровнях (региональном, национальном, супранациональном) (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

**Показатели электоральной силы регионалистских партий /
Indicators of electoral strength of regionalist parties**

Уровни / Levels	Показатели электоральной силы / Indicators of electoral strength		
Региональный уровень / Regional level	Количество голосов, отданных за партию на региональных парламентских выборах / Votes on regional parliament elections	Доля голосов, отданных за партию на региональных парламентских выборах / Share of votes (votes/total valid votes) on regional parliament elections	Доля голосов в отношении к общему количеству электората / Share of votes (votes/eligible voters) on regional parliament elections
Национальный уровень / National level	Количество голосов, отданных за партию на национальных парламентских выборах / Votes on national parliament elections	Количество голосов, отданных за партию на национальных парламентских выборах / Share of votes (votes/total valid votes) on national parliament elections	Доля голосов в отношении к общему количеству электората / Share of votes (votes/eligible voters) on national parliament elections

Источник / Source: составлено автором на основе работ П. Чиочетти [Chiocchetti 2016] и П. Игнаци [Ignazi 1996].

Институциональная сила характеризует завоевание политическими партиями парламентских и правительственных портфелей. В данном вопросе уже были предложены ряд показателей: общая доля мест в парламенте или доли в отношении большинства и оппозиции [Blau 2008], доля правительственных мест по отношению к парламентским местам без учета срока пребывания на посту [Lijphart 1985] и с учетом срока пребывания [Vowles 2004]. Следует отметить, что раздельный расчет парламентской и правительственной компонент не является столь необходимым, поскольку, с одной стороны, в исследуемых государствах парламентские и правительственные органы тесным образом связаны и определяют функционирование друг друга, а с другой стороны, этого достаточно для решения задачи измерения общей силы политической партии (overall party strength). В данном исследовании институциональная сила партии измеряется следующими показателями: 1) количеством мест в парламенте и правительстве; 2) долей мест в парламенте и правительстве; 3) долей мест в парламенте в отношении к количеству мест правящей партии в парламенте и правительстве; 4) правительственным статусом (правящей партией, партией правительственной коалиции или оппозиционной партией) (табл. 2).

Что касается уровней электоральной и институциональной силы, то предлагается выделять три основных: высокий, средний и низкий. Высокий уровень электоральной силы подтверждают электоральные показатели, которые превосходят средние электоральные показатели в рамках актуальной партийной системы (т.е. среди партий, вошедших в легислатуру), в два или более раза. Средний уровень электоральной силы партии демонстрируют электоральные показатели, равные средним электоральным показателям в рамках актуальной партийной системы или превосходящие их менее чем в два раза. В случае если

электоральные показатели ниже усредненных показателей по партийной системе, то уровень электоральной силы партии находится на низком уровне.

Таблица 2 / Table 2

**Показатели институциональной силы регионалистских партий /
Indicators of institutional strength of regionalist parties**

Уровни / Levels	Показатели институциональной силы / Indicators of institutional strength			
Региональный уровень / Regional level	Количество мест в региональном парламенте / Seats in regional parliament	Доля мест в региональном парламенте / Share of seats in regional parliament	Доля мест в парламенте в отношении к количеству мест правящей партии / Share of seats / ruling party's seats in regional parliament	Статус в региональном правительстве (правящая, оппозици- онная, коалиция) / Status in regional parliament (ruling, opposition, coalition)
Национальный уровень / National level	Количество мест в национальном парламенте / Seats in national parliament	Доля мест в национальном парламенте/ Share of seats in national parliament	Доля мест в парламенте в отношении к количеству мест правящей партии / Share of seats / ruling party's seats in national parliament	Статус в национальном правительстве (правящая, оппозици- онная, коалиция) / Status in national parliament (ruling, opposition, coalition)

Источник / Source: составлено автором.

Несколько более комплексно измерение уровня институциональной силы партии. Высокий уровень институциональной силы партии наблюдается в случае, когда количество мест в парламенте и доля мест в парламенте партии превосходят среднее значение показателей в рамках актуальной партийной системы (т.е. среди партий, вошедших в легислатуру) в два или более раза. Кроме того, доля мандатов партии с высоким уровнем институциональной силы должна составлять более половины от доли мест правящей партии, а сама партия должна либо являться правящей, либо входить в правящую коалицию. Средний уровень институциональной силы партии подтверждают показатели количества мест и доли мест партии в парламенте, равные средним показателям в рамках актуальной партийной системы или превосходящие их менее чем в два раза, тогда как статус партии в подобном ключе не имеет приоритетного значения. Низкий уровень институциональной силы партии – показатели количества мест и доли мест партии в парламенте ниже средних показателей в рамках актуальной партийной системы, а сама партия пребывает в оппозиции.

**Электоральная и институциональная сила
регионалистских партий в 2010-е годы**

Динамика электоральной и институциональной силы регионалистских партий Соединенного Королевства рассматривается на протяжении второй

половины 2010-х гг. Данный период охватывает два электоральных цикла регионального уровня (2011, 2016) в Шотландии и Уэльсе и три электоральных цикла регионального уровня в Северной Ирландии (2011, 2016, 2017). В подобных условиях на региональном уровне включаются в анализ две конфигурации электоральной и институциональной силы Шотландской национальной партии и валлийской партии «Плайд Камри», а также три конфигурации для регионалистских партий Северной Ирландии (партия «Шинн Фейн» и Демократическая юнионистская партия). Данные электоральной и институциональной силы регионалистских партий Соединенного Королевства представлены в табл. 3 и 4.

Таблица 3 / Table 3

**Электоральная сила регионалистских партий Соединенного Королевства.
Региональный уровень /
Electoral Party Strength of UK Regionalist Parties. Regional Level**

Партия / год Party / Year	Кол. голосов (абсолют.) / Votes (absolute)	Доля голосов (%) / Share of Votes (%)	Доля голосов к электорату (%) / Votes / eligible voters (%)	Уровень силы / Level of Strength
SNP 2011	902915 (399127)	44,0 / 45,4 (20,0)	45,1 (20,0)	Высокий / High
PC 2011	182907 (237313)	17,9 / 19,3 (25,0)	NA	Низкий / Low
SF 2011	178222 (94533)	26,9 (14,3)	14,7 (14,3)	Средний / Medium
DUP 2011	198436 (94533)	29,9 (14,3)	16,4 (14,3)	Высокий / High
SNP 2016	1059898 (457673)	41,7 / 46,5 (20,0)	49,1 (20,0)	Высокий / High
PC 2016	209376 (203876)	20,8 / 20,5 (20,0)	NA	Средний / Medium
SF 2016	166785 (86789)	24,0 (12,5)	13,0 (12,5)	Средний / Medium
DUP 2016	202567 (86789)	29,2 (12,5)	15,8 (12,5)	Высокий / High
SF 2017	224245 (100414)	27,9 (12,5)	17,8 (12,5)	Высокий / High
DUP 2017	225413 (100414)	28,1 (12,5)	17,9 (12,5)	Высокий / High

Источник / Source: составлено автором на основе данных UK Election Statistics: 1918–2019: A Century of Elections // Briefing Paper, Number CBP7529, 28 July 2020.

* SNP – Scottish National Party (Шотландская национальная партия); PC – Plaid Cymru («Плайд Камри»); SF – Sinn Fein («Шинн Фейн»); DUP – Democratic Unionist Party (Демократическая юнионистская партия).

** SNP+PC. Количество голосов: только Constituencies. Доля голосов: Constituencies / Regional Additional Members.

Шотландия. Региональную партийную систему в Шотландии можно охарактеризовать как систему умеренного плюрализма. Фрагментации регионализма в шотландском регионе не наблюдается – на региональном уровне доминирует Шотландская национальная партия. Помимо нее другие региональные партийные акторы – это региональные отделения общенациональных британских партий. В разные периоды 2000–2010 гг. на региональных парламентских выборах выступали шотландские партии, которые могут характеризоваться как регионалистские: Шотландская социалистическая партия (Scottish Socialist Party), Партия свободной Шотландии (Free Scotland Party), Шотландский голос (Scottish Voice, 2007–2012), Левый альянс Шотландии

(Scotland's Left Alliance – RISE – Respect, Independence, Socialism and Environmentalism, 2016). Подобные региональные партийные акторы оказываются безуспешны в электоральном плане и не составляют конкуренцию ШНП. Лейбористская партия в регионе традиционно пользуется большей поддержкой, чем Консервативная партия¹.

Таблица 4 / Table 4

**Институциональная сила регионалистских партий Соединенного Королевства.
Региональный уровень /
Institutional Party Strength of UK Regionalist Parties. Regional Level**

Партия / год Party / Year	Кол. мест (абсолют.) / Seats (Absolute)	Доля мест, % / Share of seats, %	Доля мест к доле правящей партии, % / Seats / ruling party's seats, %	Статус / Position	Уровень силы / Level of Strength
SNP 2011	69 (25,8)	53,4 (20,0)	100,0	Правящая / Ruling	Высокий / High
PC 2011	11(15)	18,3 (25,0)	36,6	Оппозиция / Opposition	Низкий / Low
SF 2011	29 (15,4)	26,8 (14,3)	76,3	Коалиция / Coalition	Средний / Medium
DUP 2011	38 (15,4)	35,1 (14,3)	100,0	Правящая / Ruling	Высокий / High
SNP 2016	63 (25,8)	48,8 (20,0)	100,0	Правящая / Ruling	Высокий / High
PC 2016	12 (12)	20,0 (20,0)	41,4	Оппозиция / Opposition	Низкий / Low
SF 2016	28 (13,5)	25,9 (12,5)	73,7	Коалиция / Coalition	Высокий / High
DUP 2016	38 (13,5)	35,1 (12,5)	100,0	Правящая / Ruling	Высокий / High
SF 2017	27 (11,2)	30,0 (12,5)	96,4	Правящая / Ruling	Высокий / High
DUP 2017	28 (11,2)	31,1 (12,5)	100,0	Правящая / Ruling	Высокий / High

Источник / Source: составлено автором на основе данных UK Election Statistics: 1918–2019: A Century of Elections // Briefing Paper, Number CBP7529, 28 July 2020.

* SNP – Scottish National Party (Шотландская национальная партия); PC – Plaid Cymru (Плайд Камри); SF – Sinn Fein («Шинн Фейн»); DUP – Democratic Unionist Party (Демократическая юнионистская партия).

Парламентские выборы в Шотландии 2011 г. стали наиболее интересными за весьма короткий период функционирования шотландского регионального парламента. Победа ШНП примечательна по нескольким причинам. Во-первых, шотландские националисты впервые получили абсолютное большинство мест в региональном парламенте (69/129 – 53%) в рамках избирательной системы, в которой довольно сложно достичь абсолютного большинства мест без абсолютного большинства отданных за партию

¹ UK Election Statistics: 1918–2019: A Century of Elections // Briefing Paper, Number CBP7529, 28 July 2020. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-7529/CBP-7529.pdf> (accessed: 15.08.2020).

голосов избирателей². Что касается Шотландской национальной партии, то она получила 45,4% голосов по избирательным округам и 44,0% региональных голосов³. Во-вторых, высокие показатели электоральной силы ШНП 2011 г. основаны на победе в рамках выборов по избирательным округам, тогда как предыдущее доминирование лейбористов было основано преимущественно на региональных списках⁴. В-третьих, шотландские националисты забрали важные для лейбористской партии округа (например, Глазго). Региональное правительство большинства впервые составила ШНП во главе с А. Салмондом. Теневой региональный кабинет в Шотландии составили лейбористы и либеральные демократы во главе с Дж. Лэмонт (2011–2014), затем с Дж. Мерфи (2014–2015) и К. Дукгейл (2015–2016).

Парламентские выборы в Шотландии 2016 г. прошли через два месяца после принятия нового Акта о Шотландии, подчеркнувшего локальный успех шотландского регионализма в расширении экономической автономии⁵. Шотландская национальная партия стала наиболее крупной фракцией в региональном парламенте, заняв 63 депутатских места (2 места партии не хватило до абсолютного большинства)⁶. Шотландские консерваторы достигли значимого успеха, став второй партией в шотландской ассамблее – 31 депутатское место, лучший результат консерваторов с 1999 г. Консерваторы потеснили со второго места Лейбористскую партию Великобритании, которая на выборах 2016 г. заняла третье место (24 депутатских мандата, худший результат лейбористов с 1999 г.). В сравнении с 2011 г. консерваторы приобрели 16 депутатских мест в региональном парламенте, тогда как лейбористы, наоборот, потеряли 13 депутатских мест. Партия либеральных демократов осталась на прежнем уровне (5 депутатских мест), а Партия зеленых увеличила представительство в региональном парламенте в три раза (2 депутатских места в 2011 г. к 6 депутатским местам в 2016 г.)⁷. Правительство меньшинства ШНП с 2016 г. по настоящее время. Первым министром Шотландии стала Н. Стерджен, после отставки А. Салмонда после неудачных итогов референдума о независимости Шотландии в 2014 г.

Шотландская национальная партия в рамках 2010-х гг. демонстрирует стабильно высокий уровень электоральной и институциональной силы на региональном уровне. Подобная ситуация в Шотландии уникальна в рамках Соединенного Королевства: в условиях отсутствия фрагментации регионализма

² UK Election Statistics: 1918–2019: A Century of Elections // Briefing Paper, Number CBP7529, 28 July 2020. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-7529/CBP-7529.pdf> (accessed: 15.08.2020).

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ The Scottish Act 2016. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2016/11/contents/enacted> (accessed: 15.08.2020).

⁶ UK Election Statistics: 1918–2019: A Century of Elections // Briefing Paper, Number CBP7529, 28 July 2020. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-7529/CBP-7529.pdf> (accessed: 15.08.2020).

⁷ Ibid.

регионалистская партия электорально и институционально сильна и устойчива в региональном разрезе.

Северная Ирландия. Региональную партийную систему Северной Ирландии можно охарактеризовать как многопартийную поляризованную систему. Два партийно-идеологических полюса представляют юнионистские партии, с одной стороны, и регионалистские/националистические партии – с другой [Ананьева 2017]. К первым, юнионистским, партиям относятся Демократическая юнионистская партия и Ольстерская юнионистская партия и ряд других малых партий, которые выступают за сохранение Северной Ирландии в составе Соединенного Королевства. Как правило, юнионистские партии поддерживает протестантское большинство Северной Ирландии. Ко вторым, националистическим/регионалистским, партиям относятся: Социал-демократическая и лейбористская партия и партия «Шинн Фейн», которые выступают за объединение Северной Ирландии и Республики Ирландии. Последние партии, как правило, поддерживает католическое меньшинство региона. Фрагментация регионализма в регионе наблюдается.

По итогам региональных парламентских выборов 2011 г. было сформировано довольно похожее традиционное коалиционное региональное правительство по соглашению следующих партий: Демократическая юнионистская партия – 4 министерских портфеля, «Шинн Фейн» – 3, СДЛП – 1, Ольстерская юнионистская партия – 1⁸. Более того, в региональное правительство впервые вошла Партия Альянса Северной Ирландии (Alliance Party of Northern Ireland) – 1 министерский портфель. П. Робинсон от Демократической юнионистской партии стал Первым министром Северной Ирландии. Его заместителем стал член партии «Шинн Фейн» М. Мак Гиннесс.

По итогам региональных парламентских выборов 2016 г. было сформировано схожее коалиционное правительство по соглашению следующих партий: Демократическая юнионистская партия – 5 министерских портфелей, «Шинн Фейн» – 4, еще один министерский портфель был предложен независимому кандидату⁹. А. Фостер от Демократической юнионистской партии стала Первым министром Северной Ирландии. Ее заместителем стал северо-ирландский лидер «Шинн Фейн» М. Мак Гиннесс. Однако, после относительно успешного функционирования Ассамблеи Северной Ирландии третьего созыва (2007–2011) и четвертого созыва (2011–2016), в 2017 г. разгорелся крупный коррупционный скандал (Renewable Heat Incentive Scandal), который запятнал репутацию «Шинн Фейн»¹⁰. Заместитель первого министра М. Мак Гиннесс был вынужден уйти в отставку после 10 лет в кабинете. Были инициированы новые региональные парламентские выборы в 2017 г.

⁸ UK Election Statistics: 1918–2019: A Century of Elections // Briefing Paper, Number CBP7529, 28 July 2020. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-7529/CBP-7529.pdf> (accessed: 15.08.2020).

⁹ Ibid.

¹⁰ Renewable Heat Incentive Policy Overview // GOV.UK. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/renewable-heat-incentive-policy-overview> (accessed: 15.08.2020).

После скандала 2016–2017 гг. стороны не смогли договориться о новом составе регионального правительства. В период с 2017 по 2020 г. функционал регионального правительства контролировал Вестминстер. В настоящий момент региональное правительство Северной Ирландии вышло из кризисного состояния и взяло управление регионом в собственные руки. Региональное правительство состоит из 5 министров – Демократическая юнионистская партия; 4 министра – «Шинн Фейн»; по 1 министру – Социал-демократическая и лейбористская партия и Ольстерская юнионистская партия, Партия Альянса Северной Ирландии¹¹. А. Фостер от Демократической юнионистской партии продолжила занимать пост Первого министра Северной Ирландии, а заместителем стала член партии «Шинн Фейн» М. О’Нилл.

Противоборство между юнионистами и националистическими партийными акторами в Северной Ирландии структурирует партийную систему и фрагментирует регионализм. Партнерство партийных акторов внутри группы юнионистов и националистов и разделение их на (условно) лидирующих и поддерживающих партийных акторов продуцирует больший успех крупных регионалистских партий (Демократическая юнионистская партия и «Шинн Фейн»), нежели их малых союзников (Ольстерская юнионистская партия и СДЛП). В случае Северной Ирландии организация региональной политической власти и фрагментация регионализма способствуют повышению (и/или поддержанию) электоральной и институциональной силы крупных регионалистских партий и стабилизации силы на низком уровне (= отсутствие силы) малых регионалистских партий. Вместе с тем важно подчеркнуть, что динамика показателей электоральной и институциональной силы в рамках исследуемого периода демонстрирует устойчивую силу Демократической юнионистской партии (высокий уровень электоральной и институциональной силы) при неоднозначности показателей националистской партии «Шинн Фейн», когда уровень институциональной силы партии зависит от колебаний с показателей электоральной силы (2011, 2016).

Уэльс. Региональную партийную систему в Уэльсе можно охарактеризовать как систему умеренного плюрализма (3–5 партий). Помимо крупной регионалистской партии «Плайд Камри» в Уэльсе функционирует новая партийная сила Валлийская национальная партия (Welsh National Party), которая выступает за независимость Уэльса¹². Помимо данных партий другие партийные акторы в регионе – это отделения общенациональных британских партий (валлийские консерваторы, валлийские лейбористы, валлийские зеленые и пр.). На разных этапах проявлялись иные регионалистские партийные акторы – партия «Голос Гвинедд» (Voice of Gwynedd, Llais Gwynedd), партия «Земля, Земля» (Land, Land / Gwlad Gwlad), партия «Суверенитет Уэльса»

¹¹ UK Election Statistics: 1918-2019: A Century of Elections // Briefing Paper, Number CBP7529, 28 July 2020. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-7529/CBP-7529.pdf> (accessed: 15.08.2020).

¹² Welsh National Party. Official Site. URL: <https://www.wnp.wales/> (accessed: 15.08.2020).

(Cymru Sovereign). Однако все подобные регионалистские партийные акторы оказываются безуспешны в электоральном плане на региональном уровне и не составляют конкуренцию доминирующей (в отношении регионализма) партии «Плайд Камри». В подобном контексте регионализм в Уэльсе сложно охарактеризовать как фрагментированный.

На выборах в Национальную ассамблею Уэльса 2011 г. победила в очередной раз Валлийская лейбористская партия и самостоятельно сформировала региональное правительство большинства во главе с К. Джонсом (2011–2016)¹³. Регионалистская партия «Плайд Камри» впервые уступила второе место в рамках региональной партийной системе консерваторам, что стало вполне ожидаемым эффектом общенационального успеха последних. Лидер регионалистской партии «Плайд Камри» Ю. Джонс, занимавший пост заместителя Первого министра Уэльса в 2007–2011 гг., после поражения на выборах оставил свой пост. Новым лидером партии стала Л. Вуд. По результатам региональных парламентских выборов 2016 г. регионалистская партия упрочила собственные позиции по сравнению с 2011 г.¹⁴ Региональное правительство сформировала коалиция Валлийской лейбористской партии и партии «Валлийские либеральные демократы». Первым министром Уэльса стал лейборист К. Джонс (2016–2018), а затем М. Дрейкфорд (2018 – настоящее время). Регионалистская партия «Плайд Камри» во главе с Л. Вуд составила официальную оппозицию.

Кейс валлийской «Плайд Камри» не похож на шотландский и североирландские случаи регионалистских партий. С одной стороны, наблюдается консолидация регионализма в форме ключевого регионалистского партийного актора, но не наблюдается весомой партийной силы (как в случае с ШНП в Шотландии). С другой стороны, отсутствует потенциал фрагментации регионализма и, как следствие, институционально сконструированная конкуренция, повышающая уровень силы регионалистских партий (что происходит в случае Северной Ирландии). Уровень электоральной силы «Плайд Камри» вполне закономерно отражается на уровне институциональной силы партии в рамках исследуемого периода.

Заключение

Описанная методика позволяет сравнивать силу регионалистских партий в разных региональных системах, партийных и электоральных. Данная методика не лишена неточностей, но демонстрирует потенциал в измерении и сравнительном анализе силы рационалистских партий не внутри одного региона (т.е. единого политико-институционального контекста), но разных регионов с различными условиями электоральной и партийной борьбы.

¹³ UK Election Statistics: 1918–2019: A Century of Elections // Briefing Paper, Number CBP7529, 28 July 2020. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-7529/CBP-7529.pdf> (accessed: 15.08.2020).

¹⁴ Ibid.

При использовании данной методики, безусловно, необходимо учитывать ее ограничения. Разделение электоральной и институциональной силы партий на три уровня (высокий, средний, низкий) представляется грубым и негибким, что является одним из основных направлений модернизации метода. Подобный инструмент измерения силы регионалистской партии учитывает лишь количественные показатели (электоральные и институциональные), оставляя вне поля рассмотрения качественные характеристики партийной силы – коммуникационный (повестка, стратегия, пропаганда, реклама) и организационный (структура, финансы, ресурсы, возможности) элементы. Для нивелирования указанных пробелов необходима тщательная и детальная проработка концептуального аппарата качественных характеристик силы регионалистских партий. Важным дополнением методики станет измерение электоральной и институциональной силы партий не только на региональном уровне, но и общенациональном и супранациональном уровнях управления.

Вместе с тем представленные данные электоральной и институциональной силы регионалистских партий Соединенного Королевства позволили выделить несколько закономерностей.

Во-первых, вполне закономерно, институциональная сила регионалистских партий не воспроизводит в точности электоральную силу. Преимущественно это обусловлено электоральной и институциональной системой регионов. В шотландском (ШПН) и валлийском («Плайд Камри») кейсах в условиях, где электоральная система на региональном уровне смешанная и включает не только пропорциональное голосование, но и голосование по региональным спискам, трансформация электоральной силы в институциональную пропорциональна. Учитывая институциональную специфику Северной Ирландии, ведущие регионалистские партии уравниваются в институциональной силе, но неполностью соответствуют уровням электоральной силы.

Во-вторых, в рамках рассматриваемого периода наблюдается рост электоральной силы регионалистских партий Соединенного Королевства при стабилизации институциональной силы партий на региональном уровне. Подобная стабилизация институциональной силы главным образом связана с конкретной конфигурацией региональной партийной системы.

В-третьих, разрыв в уровнях институциональной силы партий не отражает в разницу в уровне электоральной силы. По результатам региональных парламентских выборов 2016 г. не наблюдается радикального разрыва в уровне электоральной силы партии «Плайд Камри» и партии «Шинн Фейн», хотя в институциональном смысле североирландская партия приобрела многим больше валлийского регионалистского партийного актора. Вместе с тем партия «Плайд Камри» в рамках исследуемого периода поступательно упрочивает свою электоральную силу, но не в силах пока достигнуть институциональной силы. Вероятно, в ближайшее время ей это станет под силу с учетом обновленного в последний электоральный цикл руководства партии.

Поступила в редакцию / Received: 24.12.2020

Принята к публикации / Accepted: 10.05.2021

Библиографический список

- Ананьева Е.В. Разобшенная Британия // Современная Европа. 2017. № 5 (77). С. 5–15.
- Панов П.В. Многоликий регионализм // Вестник Пермского университета. Политология. 2020. Т. 14. № 1. С. 102–115.
- Blau A. The Effective Number of Parties at Four Scales: Votes, Seats, Legislative Power and Cabinet Power // *Party Politics*. 2008. № 14 (2). P. 167–187.
- Chiocchetti P. Measuring Party Strength: A New Systematic Framework Applied to the Case of German Parties, 1991–2013 // *German Politics*. 2016. № 25. P. 84–105.
- De Winter L., Tursan H. *Regionalist parties in Western Europe*. London: Routledge, 1998.
- Ignazi P. The Crisis of Parties and the Rise of New Political Parties // *Party Politics*. 1996. № 2 (4). P. 549–566.
- Katz R., Mair P. Changing Models of Party Organization and Party Democracy. The Emergence of the Cartel Party // *Party Politics*. 1995. № 1 (1). P. 5–28.
- Masseti E., Schakel A. Between autonomy and secession: decentralization and regionalist party ideological radicalism // *Party Politics*. 2016. № 1. P. 59–79.
- Lijphart A. Proportional Tenure vs. Proportional Representation: Introducing a New Debate // *European Journal of Political Research*. 1985. № 13. P. 387–399.
- Rosema M. Partisanship, Candidate Evaluations, and Prospective Voting // *Electoral Studies*. 2006. № 25. P. 467–488.
- Rye D. *Political Parties and the Concept of Power. A Theoretical Framework*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014.
- Taagepera R. *Predicting Party Sizes: The Logic of Simple Electoral Systems*. New York: Oxford University Press, 2007.
- Vowles J. Electoral Systems and Proportional Tenure of Government: Renewing the Debate // *British Journal of Political Science*. 2004. № 34. P. 166–179.

References

- Ananieva, E.V. (2017). Divided Britain. *The Contemporary Europe*, 5(77), 5–15. (In Russian).
- Panov, P.V. (2020). Many faces of regionalism. *Bulletin of Perm University. Political Science*, 14(1), 102–115. (In Russian).
- Blau, A. (2008). The effective number of parties at four scales: Votes, seats, legislative power and cabinet power. *Party Politics*, 14(2), 167–187.
- Chiocchetti, P. (2016). Measuring party strength: A new systematic framework applied to the case of German parties, 1991–2013. *German Politics*, 25, 84–105.
- De Winter, L., & Tursan, H. (1998). *Regionalist parties in Western Europe*. London: Routledge.
- Ignazi, P. (1996). The crisis of parties and the rise of new political parties. *Party Politics*, 2(4), 549–566.
- Katz, R., & Mair, P. (1995). Changing models of party organization and party democracy. The emergence of the Cartel Party. *Party Politics*, 1(1), 5–28.
- Masseti, E., & Schakel, A. (2016). Between autonomy and secession: decentralization and regionalist party ideological radicalism. *Party Politics*, 1, 59–79.
- Lijphart, A. (1985). Proportional tenure vs. proportional representation: Introducing a new debate. *European Journal of Political Research*, 13, 387–399.
- Rosema, M. (2006). Partisanship, candidate evaluations, and prospective voting. *Electoral Studies*, 25, 467–488.
- Rye, D. (2014). *Political parties and the concept of power. A theoretical framework*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Taagepera, R. (2007). *Predicting party sizes: The logic of simple electoral systems*. New York, Oxford University Press.

Vowles, J. (2004). Electoral systems and proportional tenure of government: Renewing the debate. *British Journal of Political Science*, 34, 166–179.

Сведения об авторе:

Грабеvник Михаил Владимирович – кандидат политических наук, научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук (e-mail: m.grabevnik@gmail.com) (ORCID ID: 0000-0002-3321-7519).

About the author:

Mikhail V. Grabevnik – Candidate in Political Science, Research Fellow Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (e-mail: m.grabevnik@gmail.com) (ORCID ID: 0000-0002-3321-7519).